

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.9.15>

Попов Данил Сергеевич

КРИТИКА Ж.-П. САРТРОМ СТОИЦИЗМА КАК ВОИНСКОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ В "ДНЕВНИКАХ СТРАННОЙ ВОЙНЫ"

В статье рассматривается критика Ж.-П. Сартром стоицизма как философии для войны. Работа основывается на анализе дневниковых записей философа, которые он вел на "Странной войне" 1939-1940 гг. Следование стоическому нарративу на войне, по мысли Ж.-П. Сартра, является уловкой, призванной отгородиться от реальности. Сама же война взламывает стоическое деление мира на "зависящее" и "независящее", являясь важным измерением человеческого бытия. Актуальность исследования такой критики соотносится с популярной сегодня тематикой применения некоторых аспектов стоицизма как в области военной морали, так и в качестве терапевтического средства для реабилитации ветеранов боевых действий.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/9/15.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 9. С. 76-80. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

История философии

History of Philosophy

УДК 17; 091

Дата поступления рукописи: 15.07.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.9.15>

В статье рассматривается критика Ж.-П. Сартром стоицизма как философии для войны. Работа основывается на анализе дневниковых записей философа, которые он вел на «Странной войне» 1939-1940 гг. Следование стоическому нарративу на войне, по мысли Ж.-П. Сартра, является уловкой, призванной отгородиться от реальности. Сама же война взламывает стоическое деление мира на «зависящее» и «независящее», являясь важным измерением человеческого бытия. Актуальность исследования такой критики соотносится с популярной сегодня тематикой применения некоторых аспектов стоицизма как в области военной морали, так и в качестве терапевтического средства для реабилитации ветеранов боевых действий.

Ключевые слова и фразы: стоицизм; экзистенциализм; военная этика; самообман; подлинность; «Дневники странной войны».

Попов Данил Сергеевич

Санкт-Петербургский государственный университет
evseviy-Dan@yandex.ru

КРИТИКА Ж.-П. САРТРОМ СТОИЦИЗМА КАК ВОИНСКОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ В «ДНЕВНИКАХ СТРАННОЙ ВОЙНЫ»

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-011-01123 А «Проблема сопряжения морали и религии в эпикурейской и стоической философии: сравнительный анализ полемического дискурса».

Стоическая философия как во времена существования школы и школьного преемства, так и позже, когда писания стоиков освещали дорогу жизненного пути людям других эпох и культур, всегда так или иначе соприкасалась с тематикой войны. И Сенека, и Эпиктет, рассуждая о добродетелях и пороках, об аскезе, о духовных упражнениях, с удовольствием приводили примеры из поведения солдат на войне и в мирное время, сравнивали философа то с воином, то с полководцем [4, с. 59, 103, 114; 7, с. 202], а саму жизнь – с военным походом [7, с. 188]. Сам характер стоического нарратива с провозглашаемым им презрением к смерти и боли, с проповедью мужества и необходимости следовать долгу, с декларируемой необходимостью служить «общественному» легко находил отклик в сердцах тех, кто идет на войну. XXI век не стал исключением, что хорошо видно на примере военных из США. Так, например, Майк Энтони, ветеран войны в Ираке, в своей статье «Почему всем солдатам нужно быть философами-стоиками» утверждает, что стоическое учение помогает солдату справиться с тяготами войны и восстановиться психологически после её завершения [8]. Другой военный из Великобритании – Марк Харди замечает, что только знакомство со стоической философией позволило ему по-настоящему осмыслить годы, проведенные в рядах морских пехотинцев [10]. Гораздо более известен случай американского офицера-летчика Дж. Стокдейла, который, будучи участником военной операции американцев во Вьетнаме в 1965 г., попал в плен, где и провел восемь лет. Большую часть своего заключения он находился в одиночной камере, подвергался пыткам. Будучи философски образован, с помощью учения Эпиктета Дж. Стокдейл сумел перенести тяготы плена; создал и возглавил группу сопротивления администрации тюрьмы, помогая тем самым и себе, и другим [12].

Нельзя также не сказать, что именно сфера военной морали, наряду с когнитивной поведенческой терапией, является сегодня одной из главных областей, в которых академическое сообщество рассматривает стоицизм как заслуживающий внимания нарратив [9]. На эту тему выходят исследования, в которых рассматриваются различные аспекты стоических практик, посвященные контролю эмоций в свете этических проблем современной войны и реабилитации ветеранов боевых действий [11].

Однако если мы обратимся к истории философии, то обнаружим и противоположный взгляд на проблему пригодности стоицизма для войны от мыслителя, критику которого нельзя просто проигнорировать. Речь

идет о Ж.-П. Сартре. Будучи мобилизован на военную службу после объявления Францией и Великобританией войны Германии в 1939 г., он в течение всего периода так называемой «Странной войны» (сентябрь 1939 г. – май 1940 г.) вел подробный дневник. С самых первых его страниц Ж.-П. Сартр вступает в полемику со стоической философией, подвергает подробному анализу и критике её основные понятия и приходит к выводу, что первоначальное стремление перенести войну стоически было ошибочно и превратно. Стоицизм, согласно философу, не подходит для войны.

Не стоит и говорить, что в обозначенном выше контексте столь подробная и обстоятельная критика стоицизма со стороны одного из крупнейших мыслителей XX века заслуживает самого тщательного исследования. Оно видится **актуальным** также ввиду того, что рецепция стоического нарратива Ж.-П. Сартром долго не оказывалась в фокусе исследовательского внимания по вполне объективным причинам. С одной стороны, пятнадцать тетрадей дневника философа, предоставляющие обильный материал для такого рода работы, были частично утеряны, часть же из них была опубликована только в 1980-х, а содержательно важная первая тетрадь была обнаружена только в 1990-х [3, с. 5]. С другой стороны, нельзя не сказать, что, как представляется, в отечественном академическом пространстве работа по анализу взаимоотношения экзистенциальной и стоической философии только начинается. Из доступных нам исследований, затрагивающих данную тему, мы можем упомянуть лишь статьи Э. Ю. Соловьева «Экзистенциализм» от 1966 и 1967 гг. [5]. Думается, что это позволяет говорить не только о возможной практической значимости такого исследования, но и о некоторой его **научной новизне**.

Именно в этой связи мы ставим своей **целью** изучить критические замечания Ж.-П. Сартра относительно стоицизма как философии-для-войны. Для этого мы обратимся к анализу содержания его военных дневников 1939-1940 гг. и попытаемся прояснить интересующий нас вопрос на основе именно этих записей. Последнее не случайно. Свой «программный» труд – «Бытие и ничто» – философ начал писать сразу после событий «Странной войны». Именно в этом и состоит ценность «Дневников»: они позволяют увидеть не «догматическую» критику стоицизма с утвержденных позиций готовой концепции, но движение живой мысли, подлинный философский поиск.

Итак, обратившись непосредственно к тексту «Дневников», мы увидим, что самые первые предложения записей являют собой претензию Ж.-П. Сартра к стоической доктрине. «Забавное сочетание стоицизма и оптимизма. Оно, – пишет Ж.-П. Сартр, – встречается уже у стоиков, испытывающих потребность верить в то, что мир хорош. Это не столько теоретическое отношение, сколько психологическая конструкция. Еще одна хитрость самоуспокоения, еще одна ловушка неподлинности» [3, с. 13].

Пассаж про самоуспокоение и неподлинность стоицизма на войне требует пояснения. Похоже, что для самого Ж.-П. Сартра феномен войны занимал особое место, что стремящийся к самоанализу философ очень хорошо осознавал. Текст «Дневников» проливает свет на этот вопрос. Родившийся в 1904 г. и, соответственно, слишком юный для того, чтобы идти на фронт Великой войны 1914-1918 гг., Ж.-П. Сартр тем не менее еще в детстве ощутил всю силу военно-патриотической риторики и пропаганды, которая играла в его жизни, как и в жизни каждого мальчика того времени, значимую роль [Там же, с. 80-82]. Несколько позже, будучи уже юношей, он в полной мере пресытился подобным дискурсом: «...мы с отвращением узнавали возвышенные чувства, которые превозносились, ведь все мы были к ним причастны в тот или иной период – я, например, в 14-15-м годах» [Там же, с. 86]. Годы взросления Ж.-П. Сартра пришлось на послевоенный период, когда, несмотря на то, что военные действия давно были закончены, вся жизнь французского общества так или иначе соотносилась с мифологией войны. Однако он был далек от того, чтобы отдавать ей должное: поддерживать патриотическую риторику, увлекаться романами авторов «потерянного поколения» и пр. Война представлялась ему как «скопище скуки, долга, помпезных и риторических добродетелей» [Там же, с. 87]. В это время Ж.-П. Сартр стал антимилитаристом и, вынужденный проходить военную службу, нес её с такой негативностью, что называл впоследствии худшим периодом своей жизни [Там же, с. 89].

Если Веймарская республика не внушала Ж.-П. Сартру и его современникам опасения, то после 1933 года и сам Ж.-П. Сартр, и его соратники-пацифисты, да и все французское общество, находились в состоянии растущего смятения. Реальность войны с Германией, под чьей тенью Ж.-П. Сартр пережил пору юности, была все более и более очевидна. «Таким образом, – пишет Ж.-П. Сартр, – я загонял себя в стоицизм как в единственно возможную моральную позицию и в той мере, в какой война маячила на горизонте моих возможностей, скрытый стоицизм являлся потенциальной и константной возможностью моего бытия. Долгое время я украшал его “отказом” в духе Алена. Быть стоиком и говорить “нет”... Нет царству добродетели, промывке мозгов и унижению» [Там же].

Существенно важно для данного исследования прояснить, что именно значило, по мысли Ж.-П. Сартра, занимать моральную позицию стоика перед лицом войны. Отчасти согласимся с переводчиком «Дневников» на русский язык С. Л. Фокиным, что позиция стоика для Ж.-П. Сартра – «героическое принятие своего положения» [6, с. 792]. Это справедливое замечание, которое найдет свое место в дальнейшем нашем анализе. Однако представляется, что главным образом стоическая позиция перед лицом войны в глазах философа задавалась, прежде всего, в контексте знаменитого стоического деления на то, что зависит от нас (*τὰ ἐφ' ἡμῖν*) – этот термин на греческом языке в контексте критики стоицизма встречается на страницах «Дневников» [3, с. 129] – и что от нас не зависит (*τὰ οὐκ ἐφ' ἡμῖν*). А «зависит от нас, – говорил Эпиктет, – свобода воли и все дела, зависящие от свободы воли, а не зависит от нас тело, части тела, имущество, родители, братья, дети, отечество, словом, общество» [7, с. 76]. Мы можем проиллюстрировать подобного рода философскую установку

в условиях войны примером, который приводит известный историк философии М. Поленц. Он цитирует отрывок из письма своего друга, с которым они когда-то изучали стоиков и который в чине офицера оказался осенью 1914 года в одной из военных частей, развернутых на оккупированной территории Франции. В этом письме его друг пишет, что если у него появляются представления об опасности и трудностях, он, по совету Эпиктета, подвергает тщательной проверке их содержание и, видя, что это не затрагивает его внутренне, говорит: «Ты всего лишь представление, и мне нет до тебя дела» [2, с. 10].

Представляется, что именно в таком направлении двигались мысли философа, отправляющегося на войну. Характеризуя свое отношение к ней в период мобилизации 1939 года, Ж.-П. Сартр несколько раз употребляет в её отношении метафоры из медицинской области: говорит о ней как о болезни [3, с. 107] и даже прямо отмечает: «...в сентябре 1939 я сказал: Я переживаю и принимаю войну как холеру» [Там же, с. 18]. Критическая рефлексия позволила философу переосмыслить свое отношение к войне. В определенный момент он осознал, что война не есть нечто внешнее, не затрагивающее моё сокровенное «Я»; не происшествие [Там же, с. 58], не нечто, от чего можно дистанцироваться и что можно «пережить» с помощью стоического смирения [Там же, с. 92]. «В общем, – пишет Ж.-П. Сартр, – мои взгляды изменились в следующем: я принимал войну за бесчеловечное нарушение порядка, которое обрушивается на человека, теперь я вижу, что эта ненавистная, но упорядоченная и человеческая ситуация, один из модусов человеческого бытия в мире» [Там же, с. 95]. В другом месте философ замечает, что в войне нет ничего, что обрушивалось бы на человека извне; к ней не следует относиться как к бактерицидному заболеванию, от которого человек страдает, но за которое не несет ответа. «Война – это я. Это мое бытие-в-мире, это мир-для-меня» [Там же, с. 107].

Итак, война, по мысли Ж.-П. Сартра, «взламывает» стоическое деление мира на «мое» и «не мое», проникает в столь дорогую стоикам крепость внутреннего «Я». В тексте «Дневников» мы находим раздел, который мог бы проиллюстрировать эти соображения. Человек, рассуждает Ж.-П. Сартр, – это живущее в мире орудийности существо. Орудия здесь – совокупность средств, для достижения какой-либо цели, которая в своем окончании указывает на человека. Человек всегда находится на горизонте орудийности как тот, кто, например, стучит молотком или обитает в доме. Бытие человека в мире – «это как и прежде всего бытие-среди-реальности-орудий» [Там же, с. 155]. Даже природа воспринимается как орудия: горные перевалы – как покоряемые, моря – как переплываемые и пр. Отсюда хорошо видно, как сущность современной войны – разрушение – переворачивает человеческое бытие в мире. Через разрушение орудий в конце концов идет атака на самого человека, на его удел. Так, место прогулки или учения становится местом укрытия, наблюдения, артиллерийской позицией. «Таким образом, – пишет философ, – я на войне в малейших своих устремлениях, в самых ничтожных своих жестах, на ходу, открывая глаза и смотря вперед, разрушаю мир... и обретаю самого себя как того, для кого этот мир подлежащий разрушению и существует» [Там же, с. 158]. Но дело не ограничивается тем, что для человеческого восприятия меняется характер восприятия им мира (как чего-то внешнего). Человек-разрушитель сам оказывается подвержен разрушению. Он утрачивает свои собственные возможности, обезчеловечивается: «...его бытие для разрушения проецируется на возможность разрушения в нем всех человеческих возможностей». Удел этого человека, иными словами, состоит в том, что он делает и себя вещью. В итоге он, в качестве орудия, входит в состав этого мира орудий, который и собирается разрушить [Там же, с. 158-159].

Итак, Ж.-П. Сартр пришел к тому, что отрицать войну, рассматривать её как нечто внешнее, предлагать для службы свое тело с тем, чтобы его «душу» оставили в покое, – позиция неверная. Напротив, необходимо реализовать бытие на войне как важнейший модус человеческого существования, погрузиться в нее, выдуть все её ужасы и тяготы, познать войну и себя на войне, не прибегая ни к какой «анестезии». Это – позиция подлинности. Однако Ж.-П. Сартр задается и иным вопросом: «...совместим ли стоицизм и подлинность. Стоицизм – разве это не отказ от тоски, нет ли здесь уловок стоика, стоического оптимизма? А подлинность, наоборот, не приходит ли она со стенаниями?» [Там же, с. 70].

Таким образом, эта феноменологическая критика стоицизма оказывается связана и с его критикой как моральной позиции и, возможно, вырастает из нее. Стоицизм здесь действительно предстает как уловка испуганного человека. «Если я захочу понять, – пишет Ж.-П. Сартр, – какую моральную позицию я должен занять перед лицом этой войны, то рискую теоретизировать впустую и исказить предрассудками понимание реальности» [Там же, с. 80]. Замечание философа о том, что хотеть какую-то моральную позицию перед лицом войны – не совсем искренний, честный шаг, представляется заслуживающим внимания. Если некто, как в случае Ж.-П. Сартра, прибегает к стоической мудрости лишь как к доступному «обезболивающему средству» с тем, чтобы по прекращении той или иной ситуации вновь отложить этот самый стоицизм в сторону, как сыгравшее свою роль орудие, то этот человек определенно закрывается от подлинной реальности. Пожалуй, это очень важная позиция для философа, поскольку уже 29 октября в дневниках появляется запись: «...чтобы быть-подлинным-на-этой-войне, мне следовало бы избавиться от своего защитного оптимизма¹... это может “осуществиться” не иначе, как в состоянии тоски, через него... Только этот мир я понимаю и ощущаю глубинную природу войны и моего я на войне» [Там же, с. 68].

К этой критике можно присоединить еще два положения, которые встречаются на страницах «Дневников». Во-первых, по мысли Ж.-П. Сартра, стоическая позиция непригодна для войны, поскольку она заключает в себе иллюзию достоинства человека, в то время как война разрушает его, не позволяет даже вести

¹ Как следует из самых первых записей в «Дневниках», это именно стоический оптимизм [3, с. 13].

о нем речь [Там же, с. 135]. Во-вторых, несмотря на то, что можно сохранять на войне светлую умиротворённость, гражданский миф мудрости, стоическую решимость пройти через все испытания, по-настоящему в войне нет никакой мудрости, ничего гражданского, ничего мирного, а военные добродетели в корне отличаются от гражданских. Ж.-П. Сартр утверждает, что война есть чистое разрушение: «Это исключительный в своем роде опыт, который замыкается сам на себе» [Там же]. Хорошей иллюстрацией к этому тезису могут послужить главы «Дневников», которые Ж.-П. Сартр озаглавливает «заклочения стойка». Суть этих замечаний в том, что философ оказывается разочарованным и сбитым с толку: отправляясь в войска, он ждал интенсивных испытаний, возможностей проявить героизм. Однако он быстро понял, что на этой войне его удел – заурядность и серость. Весь его возвышенный, героический настрой обесценился. Со временем мыслитель привык к военному быту: у него не переводились деньги, и он время от времени мог позволять себе питаться в ресторанах; страдая от безделья, он целыми днями работал над новыми романами, вел дневник. «В общем мой стоицизм ничего мне не стоит», – замечал Ж.-П. Сартр [Там же, с. 22]. Более верной, искренней формой подобного героического стоицизма философ называет позицию, к которой он пришел, как и многие другие, вкусившие повседневность «Странной войны»: долгое человеческое терпение, которое готово «выдюжить» повседневное заточение» в течение долгого времени [Там же, с. 261]. Конечно, последнее связано и с самим характером «Странной войны», и с тем, что сам Ж.-П. Сартр служил не на передовой, но в метеотряде в тылу: слыша грохот канонады, он все же не находился в непосредственной опасности, бесконечно перемещаясь из месторасположения в месторасположение и ведя неприглядный военный быт. Впрочем, можно отметить, такие характеристики, как отсутствие прямой опасности, необходимость, скорее, терпеть, чем совершать подвиги, становятся все более адекватными для описания ситуации сегодняшнего военного конфликта. Современные технологии позволяют минимизировать человеческое присутствие непосредственно в районе боевых действий; дистанцировать человека от участия в боях, что тем не менее вызывает, например, у операторов боевых машин ряд серьезных психологических проблем [1, с. 41-42].

Итак, целью нашего исследования была попытка реконструировать на основе анализа опубликованных дневниковых записей Ж.-П. Сартра его критику стоической моральной философии как «философии-для-войны». Отдавая себе отчет в том, что при всякой попытке такого рода непременно упускается часть позиций, принесенная в жертву систематизации и выстраиванию определенной картины, мы все-таки хотели бы отразить наиболее важные, с нашей точки зрения, **результаты данной работы.**

Во-первых, можно говорить, что феномен войны, по мысли Ж.-П. Сартра, преодолевает стоическое разделение мира на «зависящее от меня» и «не зависящее от меня», на «мое» и «не мое». Война является событием, глубоко имманентным человеческому «Я», важнейшим модусом его существования.

Во-вторых, философ отмечает, что возможный выбор стоической морали перед лицом войны, отступление на заранее подготовленную почву стоицизма могут являться малодушной психологической уловкой, призванной отгородиться от войны и её ужасов, ловушкой неподлинности. Придерживающийся подобного рода позиции человек, по мысли Ж.-П. Сартра, не может познать ни войну, ни себя на войне.

Наконец, философ указывает, что надевать маску стойка в условиях современной войны, с её неприглядностью, кажущейся бессмысленностью, жалким бытом, практически равнозначно позерству попытки изобразить из себя героя, чьи действия наполнены не только достоинством, но и высоким смыслом.

Конечно, оценивая эти размышления философа, необходимо еще раз акцентировать внимание на том, что Ж.-П. Сартр так и не оказался в эпицентре боевых действий Второй мировой. Фактически мыслитель и вовсе не соприкоснулся с наиболее ужасными проявлениями войны: гибелью друзей и близких людей, тяжельми ранениями, картинами разрушения мирных городов, бомбежками, окопной жизнью и пр. Это, конечно же, дает повод несколько ослабить его критический пафос относительно пригодности стоических практик для воина и человека, вернувшегося с войны и желающего возобновить нормальную жизнь. Последнее важно, поскольку сегодня апелляции к стоицизму появляются в рамках разговора и о посттравматическом синдроме у ветеранов боевых действий [11, р. 168], в то время как, очевидно, сам Ж.-П. Сартр такого опыта не имел. Его критика, хоть и важная, принадлежит, скорее, не к нарративу психологической реабилитации, излечения, возвращения к нормальному существованию, но сугубо к области философии, и если говорить точнее – экзистенциальной философии. Это справедливо, поскольку на страницах «Дневников» можно наблюдать, как критика стоицизма выходит за пределы вопроса о его применимости в условиях войны. Внимательное прочтение дневниковых записей, анализ основных понятий, которые Ж.-П. Сартр использует на его страницах (достаточно упомянуть его размышления о проблемах подлинности, о термине «самообман» или «криводушие» – *la mauvaise foi*), позволяют сказать, что именно полемика философа со стоической доктриной и преодоление последней стояли у истоков формирования им философского пафоса «Бытия и ничто», послужили вехой к оформлению его собственной философской концепции.

Список источников

1. Дроздова А. А., Киселева М. Е. Этика ответственности в ситуации применения военных беспилотников и боевых роботов // Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы – 2017. Этика революций: материалы IX Международной конференции (г. Санкт-Петербург, 26-28 октября 2017 г.). СПб.: Сборка, 2017. С. 41-42.
2. Поленин М. Стоя. История духовного движения. СПб.: Quadrivium, 2015. 1040 с.
3. Сартр Ж.-П. Дневники странной войны. Сентябрь 1939 – март 1940. СПб.: Владимир Даль, 2002. 813 с.
4. Сенека. Нравственные письма к Луцилию. Трагедии. М.: Художественная литература, 1986. 543 с.

5. Соловьев Э. Ю. Экзистенциализм [Электронный ресурс]. URL: http://vphil.ru/index.php?id=176&option=com_content&task=view (дата обращения: 08.07.2019).
6. Фокин С. Л. Автопортрет философа на фоне войны: Жан-Поль Сартр и его дневники // Сартр Ж.-П. Дневники странной войны. Сентябрь 1939 – март 1940. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 758-813.
7. Эпиктет. Беседы. М.: Ладомир, 1997. 312 с.
8. Anthony M. Why All Soldiers Need to Be Stoic Philosophers [Электронный ресурс]. URL: <http://masscasualties.com/2015/11/20/why-all-soldiers-need-to-be-stoic-philosophers/> (дата обращения: 01.07.2019).
9. Baltzly D. Stoicism [Электронный ресурс]. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2019/entries/stoicism/> (дата обращения: 01.07.2019).
10. Hardie M. What Stoicism Taught Me about the Royal Marines [Электронный ресурс]. URL: <http://modernstoicism.com/what-stoicism-taught-me-about-the-royal-marines-by-mark-hardie/> (дата обращения: 01.07.2018).
11. Sherman N. Stoic Warriors. The Ancient Philosophy behind the Military Mind. N. Y.: Oxford University Press, 2007. 242 p.
12. Stockdale J. Courage under Fire: Testing Epictetus's Doctrines in a Laboratory of Human Behavior. Stanford University, 1993. 21 p.

JEAN-PAUL SARTRE'S CRITICISM OF STOICISM AS MILITARY MORAL PHILOSOPHY IN HIS "WAR DIARIES: NOTEBOOKS FROM A PHONY WAR"

Popov Danil Sergeevich
Saint Petersburg University
evseviy-Dan@yandex.ru

The article considers Jean-Paul Sartre's criticism of stoicism as military philosophy. The study is based on the analysis of the philosopher's diary notes taken in "The Phony War" of 1939-1940. According to Sartre, accepting the stoic doctrine in the war is a trick to get away from reality. The war annihilates the stoic perception of the world as "things we can control and things we can't" being an important dimension of human existence. Sartre's criticism is relevant since the problem of applying certain aspects of stoicism in the sphere of military moral and as a therapeutic means for rehabilitation of war veterans is topical nowadays.

Key words and phrases: Stoicism; existentialism; military ethics; self-deception; authenticity; "War Diaries: Notebooks from a Phony War".

УДК 101.9

Дата поступления рукописи: 04.07.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.9.16>

Статья раскрывает сущность философских идей татарского философа Махмуда Мухаммадьяра. В ней выявлены объективно-идеалистическая и утопическая основы его философии, описано своеобразие проявления онтологических, гносеологических, социальных и антропологических представлений философа, показан новаторский характер его идей в контексте культурно-исторического пространства средневекового общества, рассмотрены позитивные (целостность, социально-этическая ориентированность) и негативные (подражательность, утопизм) стороны его философии, подчеркнуты особая значимость и прогрессивный характер для своего исторического времени его аксиологических и этических представлений, обоснованы присутствие идей философа в культурном наследии татарского народа и их влияние на его духовное развитие в настоящее время.

Ключевые слова и фразы: М. Мухаммадьяр; философия; идея; сущность; своеобразие; идеализм; утопизм.

Сабиров Аскадула Галимзянович, д. филос. н., профессор
Сабирова Лиля Андреевна, к. филос. н.
Елабужский институт Казанского федерального университета
agsabir@list.ru; slilja2006@rambler.ru

СУЩНОСТЬ И СВОЕОБРАЗИЕ ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ М. МУХАММАДЬЯРА

Проблемы понимания сущности и своеобразия философских идей средневекового татарского философа М. Мухаммадьяра являются **актуальными** для историко-философской науки. Обусловлено это прежде всего тем, что М. Мухаммадьяр является первым татарским философом, идеи которого во-многом определили дальнейшее развитие философии татарского народа. Многие его философские идеи были заимствованы и развиты татарскими философами более позднего времени (Г. Утыз-Имяни, Ш. Марджани, К. Насыри, Ш. Культяси). Исследование его философии помогает выявить специфику формирования и развития духовной культуры татарского народа, понять взаимосвязь татарского и арабо-мусульманского мира. Его представления об идеальном обществе, добродетельном человеке, справедливости, моральном наставничестве